

В комнате горело несколько ярких свечей, освещая лицо Мужун Чжи, на котором ещё оставались следы слёз. Их взгляды встретились. Сначала на лице Мужун Чжи мелькнула тень радости, но, увидев, как зрачки Се Люя внезапно сузились, а в глазах отразился шок, он сильно вздрогнул, тут же прикрыл лицо рукавом и отвернулся.

Се Люй не успел даже ухватить его за рукавом, как тот встал, опрокинув даже табурет, и буквально выбежал из комнаты.

За дверью слышался приглушённый разговор, после чего в комнату вошёл А-Ли.

— Генерал, вы... вы очнулись?

— Он... — голос Се Люя был хриплым, ему с трудом давались слова, — его лицо...

— Генерал, шифу вернулся недавно. Он пробыл в Прудку красных снадобий совсем недолго, потом сразу пришёл дать вам лекарство, и после этого всё время сидел с вами, не желая уходить. Поэтому... поэтому...

Поэтому всё его лицо и руки были покрыты ужасающими, ещё красными и сочащимися кровью шрамами.

— Но генерал, не волнуйтесь! Е Пу сказал, если шифу будет регулярно принимать лечебные ванны, он скоро вернёт прежний облик!

— ...

— Генерал, вы тоже не слишком... Эх. Вы...

Се Люй лишь натянул одеяло на лицо, не позволяя А-Ли видеть его столь жалкий вид.

* * *

— Хм, действительно, стало немного похоже.

Мужун Чжи смотрел на себя в бронзовое зеркало и усмехнулся.

— Ещё раньше я слышал от учителя. Все поколения, способные управлять трупами с помощью трактата «Тунтянь Лу», словно находятся под проклятием — в конце концов, каждый из них обретает облик, пугающий даже больше, чем злобный дух. Я тогда удивлялся, почему я ещё не попал в этот цикл. Оказывается, просто время ещё не пришло.

Прошло полмесяца. Мужун Чжи каждый день принимал лечебные ванны, и, наконец, сгнившая плоть, образовавшаяся снаружи за эти дни, отмокла и сошла. Раны в основном зажили, но на теле и лице осталось множество бледных шрамов.

Раньше он был высоким, стройным, мягким и элегантным. Се Люй всегда считал, что хотя он и не ослепительной красоты, которая запоминается с первого взгляда, но в любое время смотреть на него было приятно.

Но теперь, с этими беспорядочными шрамами, когда он не улыбался, его лицо казалось мрачным и пугающим.

— А-Чжи, ты... ты не волнуйся! Смотри, за эти несколько дней шрамы уже значительно побледнели. Дадим время — и наверняка вернётся прежний облик! И ещё, разве тот парень Е

Пу не говорил, что скоро всё заживёт? Где он вообще?

Раз уж он каждый день возится с травами, у него должно быть какое-то решение, верно?

Се Люй просто беспокоился за Мужун Чжи, но тот услышал в его словах другой смысл.

— Если тебе кажется, что я безобразен, можешь просто не смотреть!

— Нет-нет-нет! А-Чжи, как я могу считать тебя безобразным? Я просто спросил о своём ученике! Разве он не занимается снадобьями? Если есть способ избавиться от шрамов, конечно, это будет лучше, разве нет? Эй, ты куда?

Судя по направлению, он снова направлялся к задней горе?

— Эй, А-Чжи, я просто лишнее сказал, без какого-либо намёка! Пожалуйста, не сердись!

— С чего бы мне сердиться? В любом случае, я не такой, как ты, я не придаю такой важности внешности. Какая разница, уродлив я или нет? Тем более, я и так похож на призрака, стать ещё больше похожим — не такая уж и разница!

— Шифу, не волнуйтесь! Завтра я спущусь с горы, куплю травы и приготовлю лекарство для вас.

Е Пу, неся на руках Чжаочжао, как раз возвращался со стороны задней горы и подхватил разговор.

— Если наносить его каждый день, шрамы исчезнут, никаких следов точно не останется~ Доверьтесь своему ученику.

— Вот и отлично, вот и отлично! — Се Люй облегчённо вздохнул. — Эй, когда пригодишь, не забудь дать мне! А-Чжи, я буду каждый день наносить тебе лекарство!

— В общем, с некоторыми людьми всё иначе... — Е Пу сказал загадочно. — Даже если шрамы не исчезнут, каким бы шифу ни стал, ученик всегда останется с ним.

— Эй? Погоди! Ты, парень! Что это ты говоришь?

— Ученик говорит, что всегда уважал шифу, любил шифу. Каким бы шифу ни стал, ученик всегда останется рядом с ним, всю жизнь будет заботиться о нём, почитать его. Где шифу, там и Е Пу. В этой жизни я ни за что не предаю шифу, не покину его. Моё сердце таково, в этом могут поклясться солнце и луна.

Видя, с каким праведным видом он это говорит, Се Люя сразу сковала тоска.

Заставил его повторить, и в итоге только сам себе наступил на ногу? Вместо этого дал ему возможность ещё раз открыто признаться в своих чувствах.

А-а-а! Конечно, с посторонними вроде Тан Цзи справиться легко, а вот домашний вор — вот настоящая проблема! Самая большая угроза явно находится прямо рядом!

— Мой!

В этот момент он не понял, как в его голове снова вспыхнул жар. Он тут же ухватился за рукав Мужун Чжи и прямо притянул его к себе в объятия, заявляя о своих правах.

— От-пу-сти.

На лице Мужун Чжи было выражение, словно он желал смерти.

— Не отпускаю!

Эй ты! Какой же ты противоречивый! Ясно же, что пока я спал, ты крался и целовал меня, а как только я проснулся, снова отворачиваешься и делаешь вид, что не знаешь меня?

Мужун Чжи просто не стал тратить на него слов, оттолкнул его и сильно ударил по лапе этого волчьего когтя.

Се Люй жалобно застонал, но выражение его лица выглядело весьма довольным.

* * *

— Умоляю вас, генерал! Что вы вообще делаете? Я же сказал, что эти пелёнки можно постирать и использовать снова, зачем вы снова бросаете их в костёр?

А-Ли действительно думал, что те дни, когда он в Резиденции князя Нина издали любовался элегантным и благородным Великим генералом Чжэньюанем, прошли впустую!

Если бы он знал, что его натура на самом деле такова — можно лишь издали восхищаться, но нельзя приближаться, — эх!

С трудом в прошлом месяце этот человек, казалось, начал что-то понимать, научился грустить и тосковать, даже тайком от учителя проливал слёзы. А теперь вот — съел Снежный плод, пережил несколько дней полнолуния, и снова стал резвым, скачет вверх-вниз!

Если бы не то, что он всё больше худеет, он бы совсем не выглядел как человек, чья жизнь подходит к концу!

...

Но, если подумать...

Хотя сейчас во всём Дворце Внимающих Снегу стоит его раздражающий шум, в будущем, когда его не станет, определённо будет... очень тихо и одиноко.

— Они же грязные! У ребёнка столько испражнений, не отстирывается!

Се Люй, зажимая нос, с беспомощным видом говорил.

— Они правда не отстирываются!

— Другие могут отстирать, а ты не можешь? Если не можешь, зачем тогда вызывался мыть их?

Е Пу был ещё более беспомощен, чем он.

— Чжаочжао — ведь мой и А-Чжи сын! Если я, как отец, не буду стирать, кто тогда будет?

— Но, генерал, кхм... та, что вы только что выбросили, на самом деле была последней сменной пелёнкой Рисового шарика!

— А? Больше нет?

Се Люй моргнул и посмотрел на занавеску рядом.

— Вырезать кусок?

— У ребёнка такая нежная кожа, как можно использовать занавеску! Вы точно родной отец?!

...

— Вот так обстоят дела, А-Чжи. Как раз кстати, овощей и лекарств во дворце тоже почти не осталось. Ты выпей Красную пилюлю, и сегодня мы вместе спустимся с горы за покупками, хорошо?

— Я не пойду, идите сами. Я останусь во дворце присматривать за Чжаочжао.

Можно сказать, лекарство Е Пу подействовало. За эти полмесяца лицо Мужун Чжи уже значительно улучшилось. Если не присматриваться, следов полученных травм не видно. Е Пу сказал, что через полмесяца их не будет видно совсем.

— Эй-эй-эй, А-Чжи~ Давай вместе! Возьми Чжаочжао с собой, спустись с горы, прогуляйся — прекрасно! Пусть с малых лет увидит мир, может, станет умнее!

Е Пу же холодно взглянул на Се Люя.

— Великий генерал Чжэньюань давно знает, что в Красную пилюлю подмешано нечто, что лишает человека внутренней силы, и после приёма в долгосрочной перспективе это, вероятно, вредно для здоровья шифу. Но он всё равно так жесток, легко предлагает шифу принять лекарство, лишь бы составить ему компанию для прогулки с горы?

— Нет, я не такой, я не такой!

Поспешил объяснить Се Люй.

— Я просто боялся, что А-Чжи заскучает в одиночестве на этой горе.

— Мне не скучно.

— Шифу предаётся уединённой практике, разве может ему быть скучно? Если Великий генерал Чжэньюань так сильно жаждет спуститься с горы развлечься, может, лучше я останусь с шифу присматривать за Чжаочжао, а генерал сам с А-Ли сходит за покупками?!

— Эй? Что за шутки! Тебе оставаться — абсолютно нельзя!

Оставить такого коварного ребёнка наедине с А-Чжи? Думаешь, я, твой шигун, дурак?

— А-Чжи~ Давай же, пойдём вместе! Даже если мы расстанемся всего на полдня, твой муж будет по тебе сильно скучать. Ты... ты просто сопроводи меня один раз, хорошо?

Лицо Мужун Чжи застыло.

— Ты... ты опять несёшь вздор?

<http://bllate.org/book/15612/1394053>